

Нужны реформы, приемлемые для большинства

На вопросы журнала отвечает директор Института политики, член Правления Народной партии Свободная Россия, член Политико-консультативного совета «Гражданского союза» Петр ФЕДОСОВ *

«ОНС» Петр Анатольевич, расскажите, пожалуйста, о приоритетных направлениях исследований в вашем институте.

П. Ф. Институт политики существует всего 3 месяца. Это небольшое учреждение, у нас работают 5 сотрудников. Это институт не в традиционном советском смысле слова — с большими зданиями, сотнями кандидатов наук,— а в европейском понимании — исследовательское учреждение, которое ведет ряд проектов.

Основные наши проекты следующие: во-первых, социальные программы в переходный период. Дело в том, что оценки социальной политики сейчас колеблются между популизмом и цинизмом. Одни требуют всего, и по возможности немедленно, совершенно четко понимая, что это нереально, а другие говорят и, во всяком случае, поступают так, будто проблемы социальных гарантий, социальной амортизации просто не существует. Мы же ставим перед собой задачу спокойно исследовать, *что* необходимо и *что* возможно сделать в плане социальной амортизации переходного периода.

Второй наш проект посвящен национально-государственному устройству и национальным проблемам России. Здесь тоже очень много эмоций и очевидный дефицит знаний. Вдруг выяснилось, что приличных специалистов, скажем, по Германии или по Великобритании в Москве гораздо больше, чем по ближайшему зарубежью или по российским регионам. В связи с этим проектом мы создаем корреспондентские бюро в ряде регионов, например в Татарстане, в Башкортостане, и надеемся на эффективность нашей работы.

Третий проект — текущая политика, ее анализ и прогноз. Речь идет об оценках происходящего и о выработке рекомендаций для тех политических сил, к которым мы близки,— это центристы, прежде всего Народная партия Свободная Россия (НПСР), которая является нашим учредителем, и другие партии и организации, входящие в «Гражданский союз» (ГС).

Наконец, наш четвертый проект — политические технологии и организационное строительство: тут и общие проблемы, например становление многопартийности, и конкретные, такие как организация избирательных кампаний, других политических акций.

За эти месяцы мы не очень много успели сделать, но все же наладили выпуск вестника, который будет выходить ежеквартально на русском и немецком языках, опубликовали ряд исследований, провели в марте совме-

---

* Интервью записано 12 апреля 1993 года.

стно с Фондом Эберта конференцию «Россия и Германия в изменяющейся Европе». Сейчас мы готовимся к тому, чтобы открыть пятый проект — по международной политике, и пытаемся определить для себя содержательную «нишу» в этих исследованиях, чтобы не конкурировать с крупными, мощными исследовательскими учреждениями.

Если дело пойдет, то, может быть, со временем Институт политики станет тем, чем является Фонд Эберта в Германии или Фонд Жореса во Франции; но это — дело будущего.

Еще одно направление нашей деятельности — политическая учеба. Организатором ее выступает наш институт совместно с Центром политических знаний В. Шостаковского.

«ОНС» Петр Анатольевич, вы сказали, что Институт политики близок к центристам. А чуть раньше упомянули о противостоянии, по вашему выражению, популизма и цинизма (можно сказать иначе — коммунистического депутатского большинства и демократов, традиционализма и реформаторства). Многие обозреватели считают, что в нашей политической ситуации вообще нет места центризму. Так, в начале апреля в «Независимой газете» А. Мигранян писал, что в результате IX съезда «претендующая на роль политического центра рыхлая коалиция «Гражданский союз» рухнула». Что вы скажете об этой оценке?

П. Ф. Что касается политической ситуации и места в ней «Гражданского союза», то, на мой взгляд, очень важно не оказаться в плену мифов, идеологем. В предложенном вопросе много идеологичного. Рассуждения о том, что борьба, происходящая сейчас в России,— это борьба между реформаторами, с одной стороны, и силами коммунистического реванша — с другой, не имеет ничего общего с политической реальностью. Это чистой воды идеологема.

Речь идет совсем о другом: опробован и не состоялся — как мне кажется, обществом отвергнут — определенный вариант реформ, один из многих возможных вариантов.

«ОНС» Простите, а как понять, что те или иные силы отвергают именно вариант, а не саму идею реформ?

П. Ф. Необходимость реформирования России на основе социальной рыночной экономики, плюралистической демократии на сегодняшний день очевидна для подавляющего большинства общества, политических партий и организаций. Берусь утверждать, что эта цель очевидна и для подавляющего большинства народных депутатов на съезде. Я думаю, что против этой цели выступают достаточно маргинализированные группы, находящиеся на периферии политического спектра. И реальная борьба идет вокруг совершенно иных вещей: как, какими средствами обеспечить движение к этой цели.

На сегодняшний день мы имеем ситуацию, когда результаты начатой с 1992 года гайдаровской реформы прямо противоположны тем, которые декларировались ее инициаторами. Это проявляется буквально во всех сферах. В производстве оздоровление должно было начаться осенью 1992 года, вместо этого осень 1992 года характеризовалась самым глубоким экономическим спадом; год в целом дал экономический спад на 23%, инфляцию — в 2200%, падение товарооборота — на 42%*. Еще более явствен провал этого варианта реформы в социальной сфере.

Ясно, что в подобной ситуации необходимо задуматься о правильности избранного пути, внести коррективы в ход реформ. Именно в этом состояла

* Данные автора.— *Ред.*

политика «Гражданского союза», центристов, которые начиная с лета 1992 года предложили программу корректировки реформ, затем программу антикризисных мер. Эти программы обсуждались ГС вместе с правительством, но в итоге большинство наших тезисов отвергалось и продолжала осуществляться прежняя программа, которая реального обновления общества не дает.

В центре борьбы вовсе не мифическое противостояние между коммунистами и демократами, а, повторяю, вопрос о том, как, каким образом осуществлять реформы. Но, конечно, как это всегда бывает, на переднем плане, в центре общественного внимания оказываются радикальные силы. Радикалы есть в президентской команде и в тех политических силах, на которые опирается президент, есть радикальные движения и противоположной направленности: фундаменталистское коммунистическое, националистическое. Мой тезис состоит в том, что эти два радикализма стимулируют друг друга, они нуждаются друг в друге. Я бы сказал так: радикализм В. Костикова и М. Полторанина стимулирует радикализм Г. Зюганова и А. Стерлигова, и наоборот. Но эти борения двух радикальных крыльев — вовсе не суть той борьбы, которая реально происходит, а лишь ее форма. И попытки поставить знак равенства между радикалами социал-фундаменталистской ориентации и съездом народных депутатов совершенно лишены основания.

«ОНС» Вы говорили о том, что программы ГС отвергались. Но, согласно другой точке зрения, из этих программ правительством как раз воспринималось и бралось на вооружение все позитивное, и таким образом курс исполнительной власти корректировался в сторону смягчения «шоковой терапии», к большей социальной защите населения. На что же обижаются «Гражданский союз»?

П. Ф. Это отчасти верно. Действительно, целый ряд тезисов, особенно премьера В. Черномырдина, заимствован из тех программ, которые предлагал ГС. Однако существует некая внутренняя логика любой социально-экономической политики. Поэтому заимствовать из нее какое-то одно положение, которое можно удачно использовать пропагандистски, и в то же время не принимать логику — неминуемо означает, что заимствование не сработает.

Этот вопрос имеет и другой аспект. Мы занимаемся политикой, а политика — реальная вещь. И когда идет совместная выработка программы правительством и какой-то общественной организацией и выработанная программа принимается, это автоматически означает, что та организация, о которой идет речь, должна разделить правительственную ответственность. Однако этого не произошло.

Мы думаем, что такая возможность могла бы быть реализована накануне VII съезда в форме некоего коалиционного правительства. Сейчас она упущена окончательно.

Политическая организация — не исследовательский институт, который мог бы удовлетвориться принятием какой-то части выработанных им рекомендаций. Всякая политическая организация ставит перед собой цель реализовывать свои задачи через механизмы власти.

«ОНС» Хотелось бы вернуться к вашей мысли о том, что противостояние между коммунистами и радикал-демократами — всего лишь форма, не отражающая реальности. Вы не согласны с теорией А. Ахиезера, представляющей Россию на протяжении веков как расколотое общество? По Ахиезеру, раскол между традиционалистской культурой и модернизаторской пронизывает все структуры общества, в том числе самые глубинные, вплоть до

массового сознания, и поляризуется в кризисные периоды. Нельзя не видеть, что усилия реформаторов подняли сейчас волну ностальгии по социальному иждивенчеству.

П. Ф. Что касается глубинного раскола — я скажу грустную для себя вещь. Я не думаю, что центризм в России имеет перспективы в ближайшем будущем. Лишь спустя долгое время, после изменения нашей политической культуры, изменения ментальности у центризма появятся шансы. Но дело в том, что если уже сейчас никто не станет отстаивать центристские позиции, эти шансы возникнут еще позже. Не питая иллюзий относительно перспектив центризма, скажу: чем раньше начнем, тем скорее придем, но идти будем очень и очень долго.

Конечно, есть традиция глубинного раскола, но сейчас, мне кажется, очень многое изменилось. На позднем этапе эпохи «реального социализма» в российской ментальности произошли, как мне представляется, изменения принципиального характера. Произошла значительная деполитизация и деидеологизация мышления людей. С конца 1960-х годов наблюдался мощный сдвиг ценностных ориентаций, мотиваций социального поведения в сферу неполитическую, негосударственную — в частную, личную сферу. Этот процесс ужасал многих, видевших в нем превращение сознательных граждан в обывателей. На самом деле прекрасно, что этот процесс произошел, потому что именно он противодействует, а в долгосрочной перспективе может снять тенденцию извечного раскола.

Поэтому, на мой взгляд, крайне неосторожно сегодня поступают те, кто пытается эту тенденцию актуализировать и политизировать. В этом смысле я очень скептически отношусь к референдуму 25 апреля. Какими бы ни были его результаты, сам по себе этот референдум — опасное, хотя, может быть, и невольное, провоцирование раскола, перевод его с уровня массового сознания на уровень политического противостояния. Если хотите, это предполье политического реформирования по такой модели, которая связана с насилием одной половины общества над другой. Это — путь роковой, большевистский. Независимо от того, кто выиграет, страна проиграет.

Я считаю, что единственным позитивным результатом референдума, как ни парадоксально, была бы неявка на него граждан, которая означала бы победу здорового, созидательного инстинкта народа над истерией взаимного уничтожения, охватившей большую часть политических элит. Ну и, конечно, можно только приветствовать досрочные выборы.

«ОНС» Петр Анатольевич, выступая недавно по телевидению — кстати, в тот самый день и час, когда на съезде шло голосование по вопросу об импичменте, — вы поддержали идею досрочных выборов всех ветвей власти, но высказались против вынесения импичмента президенту. Между тем действия и высказывания главы той партии, к которой вы принадлежите, А. Руцкого, и до, и во время, и после IX съезда (раз уж речь зашла о поведении политических элит) наводят на мысль, что КПСР как бы уже готова вместо одного президента (плохого) предложить другого (хорошего) и что такова ее стратегическая линия, по крайней мере, в данный кризисный момент. Или это ошибочное впечатление?

П. Ф. Это очередной миф. 20 марта, когда Б. Ельцин выступил с известным телевизионным заявлением, в котором он фактически объявил о введении прямого президентского правления, т. е. об очевидно неконституционном действии, Руцкой написал президенту письмо. В этом письме он предостерегал президента от совершения неконституционных действий и заявлял, что если тот их все же совершит, то он, Руцкой, эти

действия не поддержит. Письмо было передано президенту за несколько часов до его телевизионного выступления.

Как оценить действия Руцкого? На мой взгляд, это единственная достойная позиция, которую мог занять законопослушный гражданин и политик. Я думаю, что именно позиция Руцкого, Скокова, Зорькина, Степанкова оказалась тем барьером, который тогда остановил осуществление в стране де-факто государственного переворота, узурпацию власти.

Замечу: я глубоко убежден, что никакой единовластный правитель в России демократическим правителем быть не может. Я был и остаюсь решительным противником президентства в том виде, в каком оно в России существует. Всенародно избранный президент в России неизбежно будет стремиться стать царем — я об этом писал накануне президентских выборов. Но уж коль скоро так сложилось — тем важнее, чтобы имелись такие политические механизмы и такие политики, которые в любой ситуации препятствовали бы любому порыву к единовластию.

«ОНС» Говоря об «узурпаторском порыве» Ельцина, можно ли оставлять за скобками цель его действий? Разве они были совершены не для того, чтобы дать возможность народу высказать свое отношение в числе прочего и к президенту? Разве они были продиктованы не стремлением выйти из конституционного тупика?

П. Ф. Есть разные пути выхода из тупика. Об одном из них, упущенном на VII съезде, я уже говорил. Коалиционное правительство во главе с президентом составило бы достаточно устойчивую пирамиду власти, которая дала бы стране возможность отдохнуть от политики. Этот вариант ушел в прошлое. Какие остались?

Фактически все, что изменилось в российском законодательстве за эти годы, — результат законотворческой работы съезда и Верховного Совета. Я отнюдь не «фэн» съезда. Это неуклюжий механизм, который очень тяжело работает, в нем много иррационального... Однако заведомо считать, что съезд не в состоянии принять, скажем, прогрессивного закона о выборах или современного закона о партиях, или, если не конституцию целиком, то конституционный закон, который фиксировал бы принцип разделения властей, нет никаких оснований.

«ОНС» Но ведь большинство депутатов, судя по телетрансляциям, вообще не признают необходимости принять новую конституцию.

П. Ф. Давайте задумаемся о том, что же тормозит принятие новой конституции. На самом-то деле его тормозит непроясненность вопросов федеративного государственного устройства России. Как раз из-за этих вопросов идет основная борьба вокруг проекта новой конституции: одним он кажется слишком унитарным, а другим — чересчур федералистским.

Эта проблема не снимется, а останется и в случае, если конституцию будет принимать учредительное собрание, и в любом другом случае. Борьба вокруг новой конституции — не идеологическая борьба. Среди народных депутатов есть очень небольшая группа коммунистов-фундаменталистов, есть небольшое крыло фундаменталистов-либералов, которые не примут любую конституцию, считая, что она недостаточно чиста в идеологическом плане. Но эти две группы незначительны, а большинство съезда, на мой взгляд, вполне в состоянии, если политические процессы не будут радикализироваться, принять конституцию, вполне пригодную для нашего общества на 3—5 лет.

Вообще принять конституцию «на века» сейчас невозможно в принципе,

и не надо ставить перед собой такую цель. Общество еще не сложилось, Россия еще не сделала свой выбор. Какой она будет, даже какой она хочет стать — она еще не знает.

«ОНС» А вы считаете возможным, что ее выбор окажется в пользу традиционализма, в пользу коллективистского сознания, в пользу социального иждивенчества?

П. Ф. Для меня коллективистское сознание и социальное иждивенчество — разные вещи. Мне бы хотелось, чтобы выбор России был выбором российским. Я не верю в чисто западнический путь России, считаю его нереалистичным (хотя сам я западник по образованию, по образу мышления, по роду занятий). Точно так же я не верю в особость миссии России, в азиатский вариант ее развития. Но вот, скажем, модернизаторство с учетом традиционализма — это, на мой взгляд, реальная и непротиворечивая формула.

«ОНС» Всего через несколько дней в России состоится референдум, результатом которого, скорее всего, будут досрочные выборы и президента, и народных депутатов. Не кажется ли вам, что эти выборы, в случае их проведения по старому закону о выборах, мало что изменят, приведут к ситуации порочного круга?

П. Ф. Конечно, это возможно. Конечно, должен быть принят новый закон о выборах, и он уже разработан. Это достаточно прогрессивный закон, он предусматривает пропорционально-мажоритарную избирательную систему; готов, в общем, и закон о партиях.

Когда полгода назад НПСР выдвинула идею о том, что новые выборы в ближайшем будущем неизбежны, мы были одни; и разговор об этом всерьез зашел только в последние 3—4 месяца. Эти месяцы были сплошь заняты острыми политическими баталиями, которые и стали причиной того, что новые законопроекты, так остро необходимые, были на время положены под сукно.

Перед новыми выборами, чтобы они имели смысл, нужно будет принять три закона: закон о выборах, закон о партиях и конституционный закон или, может быть, раздел конституции, который фиксировал бы структуру власти в России, разделение властей. Это непросто, вокруг этих законов, конечно, будет происходить острая борьба.

У нас есть свои представления о том, какой должна быть в России структура власти. Мы сторонники двухпалатного парламента, избираемого непосредственно гражданами, правительства, формируемого парламентским большинством, премьера, который является главой правительства, и президента во главе государства (с правом распускать парламент в строго определенных конституцией случаях).

Есть опасения, что съезд может не принять третьего из перечисленных выше законов — что ж, тогда придется возвращаться к идее учредительного собрания. Но считать, что съезд вообще не в состоянии принимать реформаторские решения, повторяю, нет оснований. В конце концов, съезд таков, каково само общество.

«ОНС» Если вспомнить результаты голосования на съезде по вопросу об импичменте президенту и сравнить с данными опросов общественного мнения о доверии президенту, то в последнем утверждении можно усомниться.

П. Ф. Причина, на мой взгляд, достаточно очевидна. В России политическая культура, политическое сознание предельно персонифицированы. Концентрация на фигуре отца-заступника — одна из понятных, но достойных

сожаления особенностей российской политической ментальности. И мне кажется, что феномен Бориса Ельцина в значительной степени связан с этой особенностью; не говоря уже о том, что в наше время общественное мнение делается средствами массовой информации, а телевидение — важнейшее из таких средств — однозначно работает на позитивный имидж Ельцина.

Нужно понять другое: если тот вариант, который имеет в виду президент, реализуется, то президент уже останется не наедине со съездом, а наедине со страной. И следующий этап этих борений, как я опасуюсь, будет вестись уже не с помощью избирательных бюллетеней, а с помощью совсем других средств.

«ОНС» Петр Анатольевич, а вы не видите вообще никаких позитивных результатов реформ? Вы не согласны с тем, что пиковая, взрывоопасная в социальном плане ситуация уже пройдена?

П. Ф. Конечно, есть такие результаты. Но с тем, что пиковая ситуация осталась позади, я никоим образом не согласен.

«ОНС» А с чем вы связываете ее вероятность?

П. Ф. Она может быть связана с самыми разными вещами; я назову две. Первый и наиболее вероятный вариант катастрофического развития может наступить в случае, если результаты референдума подтолкнут президента к введению прямого президентского правления. Если такая попытка будет сделана, то, на мой взгляд, можно прогнозировать резкое усиление дезинтеграционного процесса. Регионы толпой побегут от Центра, а действенных механизмов, чтобы это предотвратить, сегодня у Центра нет — ни экономических, ни силовых, ни управленческих. И референдум их не прибавит.

Я не связываю названный вариант с неизбежной гражданской войной. Мыслимы ли варианты, связанные с таким прямым противостоянием? Буюсь, что да. И подобную возможность я не исключаю в том случае, если будет доведена до завершения та политическая логика, о которой я говорил выше, — логика политического насилия одной половины общества над другой. Если либералистски-модернистски настроенная часть общества пойдет на реализацию своих установок ценой политического насилия над традиционалистски (коллективистски, этатистски) ориентированной его частью, тогда гражданская война станет неизбежной.

«ОНС» Каков же выход?

П. Ф. Третий путь. Коалиция. Реформы в России могут быть только такими, какие приемлемы для большинства населения.

«ОНС» И это вы говорите, не видя социальной базы для центризма?

П. Ф. Совершенно верно. А социальная база центризма может формироваться постольку, поскольку будет достигаться компромисс одних и других сил. Если мы хотим осуществлять реформы ненасильственно, мы должны найти такие модели, которые устраивали бы все части общества. Кстати говоря, на этой идее и строится «Гражданский союз», его основополагающий документ так и называется — «Пространство согласия».

«ОНС» А как в этом документе решается проблема федеративно-государственного устройства России?

П. Ф. В нем предложена следующая модель: мы полагаем, что Россия в будущем должна быть надэтническим государством. Она должна быть федерацией земель и республик.

«ОНС» То же самое предлагается и в официальном проекте конституции.

П. Ф. Да, это очень близкие идеи. Мы полагаем, что у Российской Федерации должно быть не национально-территориальное, а административно-территориальное устройство, сравнимое с моделью США (конечно, в достаточно отдаленной перспективе). Движение к этой модели должно осуществляться не за счет сокращения самостоятельности и прерогатив ныне существующих автономий, а, наоборот, за счет расширения самостоятельности и прерогатив краев и областей. Основная задача сейчас — планомерный переход от унитаристских моделей к федеративным. Ведь существующий режим постоянно делает федералистские заявления, а политика-то в действительности безумно централизована. Доля Центра в бюджете сегодня значительно выше, чем была в СССР, она составляет 75 процентов.

«ОНС» А разве не надо оплачивать проведение реформ? Ведь союзное руководство к реформам так и не приступило...

П. Ф. Если считать, что Россию можно реформировать из Москвы, по некой общероссийской модели, одинаковыми средствами для всех регионов, тогда — да, и оплачивать это надо из Москвы... Но считать так ни в коем случае нельзя, в этом и состоит одна из самых крупных ошибок в стратегии реформ. На словах вновь декларируется необходимость региональной политики, а на самом деле продолжается попытка внедрить некую единую для всех регионов России модель реформы. И реальный переход к реформированию «снизу» происходит не благодаря усилиям центрального правительства, а вопреки ему. А это создает опасный прецедент, приводит к тому, что реформирование в регионах становится как бы альтернативным реформированию из Центра, т. е. де-факто стимулирует дезинтеграционные процессы. Этого быть не должно.

Таковы наши представления о федеративном устройстве. Добавьте сюда широчайшую национально-культурную автономию, автономию личности.

«ОНС» Журнал с этим интервью читатели получают в августе. Какой, по-вашему, будет тогда политическая ситуация в стране?

П. Ф. Есть несколько вариантов. Один из них, как мне кажется, наиболее желательный, таков: продолжает существовать съезд народных депутатов, на своем месте остается президент Ельцин; они заключили между собой некое перемирие о модусе вивенди, и идет активнейшая подготовка к выборам, которые должны состояться в ноябре-декабре: проводится избирательная кампания, а Верховный Совет энергично работает над принятием тех законов, о которых мы говорили. Это благоприятный вариант.

Второй вариант, наиболее пессимистичный, состоит в том, что в апреле-мае президент предпримет какие-то резкие действия, вроде попытки введения прямого президентского правления, резко усилится дезинтеграция страны, и к осени мы все равно получим новые выборы, только состоятся они, может быть, лишь в двух третях нынешних российских регионов, а в одной трети регионов они проводиться не будут. Этот вариант тоже, увы, не исключен.

Менее вероятный вариант может заключаться в том, что съезд

действительно окажется не в состоянии принять те законы, которые необходимы для новых выборов. Тогда, наверное, политические силы самой различной ориентации будут бороться за созыв учредительного собрания.

«ОНС» Петр Анатольевич, вы ведь как политик начинали в «Демплатформе»?

П. Ф. Да, но я стал участвовать в работе той ее части, которая осталась в КПСС,— Демократического движения коммунистов. Примерно в это время начало создаваться движение «Коммунисты за демократию», которое сложилось из трех источников: Демократического движения коммунистов, инициативы ученых-общественников, к которой я имел самое прямое отношение, и инициативы группы депутатов, к которой принадлежал Руцкой... Позже это движение преобразовалось в Народную партию Свободная Россия.

«ОНС» В те времена демократические силы выступали единым фронтом, объединенные борьбой против общего врага — КПСС. И в августе 1991 года самые разные люди стояли у Белого дома... Вы ведь тоже награждены медалью «Защитник Белого дома»?

П. Ф. Да, Указом президента Ельцина. Но теперь я все чаще вспоминаю американских солдат-ветеранов Вьетнама, которые швыряли свои награды к порогу президентской резиденции в Вашингтоне...

«ОНС» А после опубликования «Слова к народу» весной 1991 года вы были в числе тех, кто подписал ответ на него представителей демократической интеллигенции... Тогда существовала, пусть и построенная на отрицании, некая объединяющая идея, общая для всех демократических, реформаторских сил. Как вы думаете, возможно ли сейчас появление какой-то идеи, максимальной деидеологизированной, способной объединить их снова?

П. Ф. Идею, которая может снова сплотить эти силы в одно, найти нельзя. Но такую идею, которая их примирит, сделает возможным их нормальное конструктивное взаимодействие, найти нетрудно. Это должна быть идея сугубо прагматическая. Собственно говоря, я ее уже здесь сформулировал: реформы в России должны быть приемлемы для большинства населения этой страны — такой, какова она есть, а не такой, как она кому-то мыслится.

Если эту простую идею принять за рабочую гипотезу, из нее неизбежно последуют другие: необходимость постоянной координации усилий и программ всех действующих политических сил, идея «круглого стола», необходимость коалиционности. Принять эту исходную идею — значит отказаться от большевистских по своему духу попыток политически изнашивать половину общества.